

АКМЕОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ
Acmeology of personality

УДК 159.9

**СООТНОШЕНИЕ НАУКИ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА¹**

Валерий Сергеевич Агапов, доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: agapov.vs@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Актуализируется проблема синтеза логического и внелогического в психологическом познании человека. Раскрыты методологические аспекты соотношения науки, религии и искусства в психологической науке и практике. Акцентируется значение внутренней логики развития психологии, включающей процесс смены идей, принципов, теорий, понятий, методов исследования. Выделяются приоритеты развития современной психологии, связанные с переходом к VI технологическому укладу и зарождением постнеклассической науки. Рассматривается соотносённость научно-гуманитарного знания с религиозным и художественным знанием.

Ключевые слова: истина, добро, красота, наука, вера, религия, художественный образ личности, внутренний мир, психологизм, психологический тип эпохи, художественный метод, научно-гуманитарное знание, логическое, внелогическое, системы познания, синтез, мировоззрение, художественная литература.

«Литература художественно осваивает, изучает не закономерности психики и сознания человека, а его общественное, в широком смысле слова, бытие, закономерности жизни человека как существа не биологического, а общественного. Поэтому и внутренний мир человека, его стремления, чувства, размышления изображаются в литературе не как самоцель, а для того, чтобы создать художественно убедительный образ личности, её идейно-нравственной сути», — отмечает А.Б. Есин [11, с. 19].

Как видим, художественная литература, с помощью специфических средств, изображает внутренний мир человека и обладает важнейшим инструментом познания человека — психологизмом. «Под психологизмом в литературе мы будем понимать не особенности построения характеров в том или ином произведении и наличие в нём психологической достоверности, а *художественное изображение внутреннего мира персонажа*, т.е. его мыслей, переживаний, желаний» [11, с. 12].

¹ Окончание. Начало см. в № 4 за 2014 г.

В. Кирпотин утверждает, что «психологизм — особый художественный метод проникновения в объективную суть противоречивого людского коллектива, в самую сердцевину тревоживших писателя общественных отношений и особый художественный метод их воспроизведения в искусстве слова» [13, с. 64–65].

Согласно А.Б. Есину, «психологизм — это определённая художественная форма, за которой стоит и в которой выражается художественный смысл идейно-эмоционального содержания». Он утверждает, что психологизм в литературе — «это достаточно полное, подробное, глубокое изображение чувств, мыслей, переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств художественной литературы» [11, с. 18, 19].

По мнению М. Веллера, «литература без героя, без идеала, без сюжета, без жара мысли и страсти — это отстой. Литература без позитива — это хлам, шарлатанство, не выдержавшее испытание временем, ведь... изначальная, самая простая, информативная, бытовая литература... возникла вместе с образом героя, она сгруппировалась вокруг героя» [8, с. 72, 233].

Здесь надо отметить, что литературный герой — это и психологический тип эпохи. Например, А.П. Чехов рисует психику среднего человека «в статистическом и оценочном смысле... ничтожество мотивов; ...эгоизм и самопоглощённость; пассивность и созерцательность, страсть говорить и всё на общие темы. Ум не выше среднего, воля — ниже среднего» [25, с. 80].

М.М. Бахтин пишет: «Герой интересуется Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мир, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он для себя самого» [5, с. 63]. При этом, как утверждает В. Кирпотин, «Достоевский обладал способностью как бы прямого видения чужой психики. Он заглядывал в чужую душу, как бы вооружённый оптическим стеклом, позволявшим ему улавливать самые тонкие нюансы, следить за самыми незаметными переливами и переходами внутренней жизни человека. Достоевский, как бы минуя внешние преграды, непосредственно наблюдает психологические процессы, совершающиеся в человеке, и фиксирует их на бумаге... В даре Достоевского видеть чужую психику, чужую “душу” не было ничего априорного. Он принял только исключительные размеры, но опирался он и на интроспекцию, и на наблюдение за другими людьми, и на прилежное изучение человека по произведениям русской и мировой литературы, т.е. он опирался на внутренний и внешний опыт и имел поэтому объективное значение» [13, с. 63–64].

«Необходимо ещё раз подчеркнуть, что герой Достоевского — человек идеи..., а образ идеи неотделим от образа человека — носителя этой идеи» [5, с. 113].

Трагизм литературных героев заключается в том, что «в экстремальных обстоятельствах, под непереносимыми разрушающими нагрузками, человек показывает то величие своей души, ту твёрдость и мужество своей природы, какие он просто не может продемонстрировать, пока в том нет надобности», — считает М. Веллер [8, с. 70].

Ф.М. Достоевский виртуозно выразил в своих художественных произведениях «всю сложность, противоречивость, капризность, непостижимость человеческой психики и поведения... Многие сцены в романах писателя — это совершенные психодрамы и социодрамы (хотя бы знаменитая сцена исповеди Настасьи Филипповны в “Идиоте”). Искуснейшим образом даются всевозможные аффективные состояния вплоть до раздвоения личности (“Двойник”), рефлексивная диалогическая борьба, прорабатывается роль подтекста (Порфирий Петрович — Раскольников)», Ф.М. Достоевский *заставляет психолога задуматься и об этических проблемах своей профессии, о границах вторжения во внутренний мир человека, в его душу*» — подчёркивает В.Е. Семёнов [21, с. 109–110].

Показателен диалог Ставрогина с Тихоном в «Бесах»: «Я никого не зову в мою душу, я ни в ком не нуждаюсь. Я умею сам обойтись. Вы думаете, я боюсь, — возвысил он голос и с вызовом приподнял лицо, — вы совершенно убеждены, что я пришёл всем открыть одну “страшную” тайну, и ждёте её со всем келейным любопытством, к которому вы спо-

собны. Ну так знайте, что я вам ничего не открою, никакой тайны, потому, что совершенно без вас могу обойтись».

Необходимо учитывать отношение Ф.М. Достоевского к научной психологии. Согласно М.М. Бахтину [5, с. 82–83], «он видел в ней унижающее человека овеществление его души, сбрасывающее со счёта её свободу, независимость и ту особую неопределённость — нерешённость, которая является главным предметом изображения у самого Достоевского: ведь он всегда изображает человека на пороге последнего решения, в момент кризиса и незавершённого — неопределимого — поворота его души. Достоевский постоянно и резко *критиковал механическую психологию*, притом как её прагматическую линию, основанную на понятиях естественности и пользы, так и в особенности её физиологическую линию, сводящую психологию к физиологии».

Для научного психологического познания современного человека особую ценность представляет социально-психологическая концепция человека Ф.М. Достоевского. Её основные положения блестяще изложены В.Е. Семёновым [21] в следующих утверждениях:

1. Человек сложнее привычных стереотипов Добра и Зла. Он воистину единство и борьба противоположностей, он диалектичен. Научные абстракции «сухи и тощи», чтобы правильно понять человека.

2. Человек не только «человек разумный» (когнитивный, говоря современным языком), но и «человек страстный» (эмоциональный, аффективный). Причём разум — это не только благо, но нередко и зло. Именно «по разуму», из логически обоснованной идеи, Раскольников совершает страшное преступление. Недаром злодеи, вроде Петра Верховенского, Смердякова или Ставрогина, отличаются рационалистичностью. Идеалом для Ф.М. Достоевского является сердечный (любящий, добрый, жертвенный) человек (старец Зосима, князь Мышкин, Алёша Карамазов, Соня Мармеладова и др.).

3. Человек — общественное, коллективное существо. Перефразируя название офорта Ф. Гойи «Сон разума рождает чудовищ», можно сказать, что «одиночество порождает чудовищ». Именно в одиночестве Раскольников выдумывает свою наполеоновскую теорию вседозволенности. Одиноки Иван Карамазов, Смердяков. Зато положительные герои всегда среди людей, почти по-детски открыты и общительны (Алёша Карамазов, Мышкин и др.). «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого..., — пишет М.М. Бахтин, — поэтому овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного, нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путём слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть — точнее, заставить его самого раскрыться — лишь путём общения с ним, диалогически». При этом «...Достоевский переносит диалог в вечность, мысля её как вечно со-радование, со-любование, со-гласие» [5, с. 388].

4. Человек обладает свободной волей. Он отвечает за свои поступки и не следует абсолютизировать влияние среды. Однако существуют аффективные состояния, вызванные, например, болезнью, когда человек не может контролировать свои поступки.

5. Счастье человека заключается не в комфорте, а в любви к другим людям, которая, так или иначе, возвращается к нему. Люди, не способные на любовь к другим, человеконенавистники, гибнут, то есть не выносят самих себя. В дневнике писателя за 1877 год Ф.М. Достоевский пишет: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой и что, наконец, законы духа человеческого столь ещё неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённы и столь таинственны, что нет и не может быть ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть тот, который говорит: “Моё отмщенье и Аз воздам”» [Цит. по: 5, с. 83–84].

Таким образом, в художественном методе Ф.М. Достоевского можно выделить два сильных психологических приёма воздействия на читателя. Во-первых, это болевой шок (сон Раскольникова о забиваемой лошади). Во-вторых, внезапное разрушение предварительно созданной у читателя психологической установки отношения к персонажу (напри-

мер, неожиданное благородство злодея Свидригайлова или принципиальность глуповатого Лебезятникова). При этом В.Е. Семёнов отмечает, что «соотношение описаний жестокости, преступления и мук наказания у Достоевского *этически красноречиво*: например, в романе «Преступление и наказание» менее пяти страниц отведено сцене убийства и почти пятьсот — последующим душевным страданиям убийцы. Таков *художественный баланс зла и добра* для писателя» [21, с. 110].

Обратимся к рассмотрению науки, религии, искусства в психологическом познании человека. Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) высказывает следующее: «Наука приводит к необходимости какого-то разумного смысла в жизни, какого-то высшего назначения жизни. Религия отвечает: это Бог... Наука обосновывает не только естественные законы, по которым мир существует, но также и нормативные законы, по которым он должен существовать в интересах сохранения жизни... Наука доказывает необходимость Его бытия логически, эстетика показывает идеальное бытие в образах, а религия соединяет, приводит в общение с Богом... религия не противоречит науке, но религия движет науку... Именно вера сообщает силу знанию. Знание без уверенности в нём, без признания — мёртвое сведение... Религия движет науку и в том смысле, что она побуждает и поощряет дух исследования. Религия потому движет науку, что в религиозном опыте мы вступаем в контакт с вечным Разумом, Голосом мира» [20, с. 58–61].

Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) констатирует, что «*самые качества упорного исследования — самоотверженный труд, вера в конечный результат, смирение* — являются более всего продуктивными. В то время как дедукция частных суждений, так свойственная гордому уму, склонному всё подчинить заранее принятым положениям, привела науку к бесплодному рационализму XVII века, — индукция (выведение общего суждения из ряда частных фактов), смиренное принятие фактов, как они есть — вызвала расцвет в науке, привела к открытиям и изобретениям...». И далее он делает вывод: «Наука без религии — небо без солнца. А наука, облечённая светом религии, — это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира» [20, с. 62].

Р. Фейнман обращает внимание на источник трудностей при попытке связать науку и религию — «обязательное для науки сомнение; это абсолютно необходимое условие прогресса в науке — неопределённость как фундаментальная часть внутренней природы учёного. Для прогресса и понимания мы должны оставаться скромными и позволить себе чего-то не знать. Нет ничего полностью определённого или доказанного, сомнения превыше всего. Вы исследуете ради любопытства, потому что это неизвестно, а не потому, что вам известен ответ. И когда вы получаете больше информации в науке, это не означает, что вы нашли истину, вы нашли то или иное с большей или меньшей вероятностью... Особенный склад ума — внутреннее отношение к неопределённости — это жизненно важное положение для думающего учёного... Это привычка мыслить. Однажды усвоив, учёный уже не сможет отступить от неё.

...Раз вопрос перестал быть абсолютным и содержит *долю неопределённости*, его можно завершить с очень разных позиций. Во многих случаях он оказывается очень близок к определённому» [24, с. 314–316].

Особое значение приобретают отличительные особенности научно-гуманитарного знания в сравнении с религиозным и художественным знанием (по А.Г. Бермусу):

- научно-гуманитарное знание в соотнесении с религиозным знанием характеризуется преобладанием *субъект-объектной установки исследователя* в отношении изучаемой реальности, а также ориентацией на выявление устойчивых причинно-следственных связей (в религиозной традиции, человек, напротив, мыслится как вторичная и, следовательно, зависимая реальность);

- научно-гуманитарное знание в соотнесении с обыденным знанием *представляет регулярную рефлексивную практику, требующую рационального описания, обоснования и фиксации*;

- научно-гуманитарное знание в соотнесении с художественным знанием *представляет специфический способ применения рационально-логических средств*, в то время как

художественное знание обращено к эмоционально-образной стороне человеческого бытия [6, с. 19].

По мнению В.Б. Раушенбаха, рассуждения о соотношении логического знания и внелогического, рациональность и иррациональность базируются на глубоком понимании процессуальных характеристик организации и развития мышления, соотношения его с сознанием, психикой... При всём различии типов мышления логического и внелогического «мозг работает как единое целое». И поэтому происходит взаимодополнение каждого из типов мышления. Красота как критерий и результат художественного действия, и свойство внелогического мышления присуща математическому действию. Внелогическое мышление по-разному связывается с логическим, дополняя, продолжая его. При этом в решении чисто логических задач «нередко решающую роль может играть внелогическая компонента нашего сознания, вырабатывающая в процессе биологической эволюции способность *подсознательно проводить гармонизацию* хаотической массы впечатлений. При этом важную роль играет некоторый критерий, который иногда называют чувством красоты» [19, с. 186–201].

А. Пуанкаре говорил, что когда он что-то изобретает в области математики, то им *движет чувство красоты*: то, что красиво, чаще всего — верно; а то, что некрасиво, заведомо не верно, и не нужно тратить силы на проверку.

Например, А.Н. Туполев, выясняя причины неудачных попыток поставить на крыло очередной самолёт, взглянул на него и выдал своей вердикт: «Не полетит». «Почему?» — спросили у него. — «Некрасивый», — ответил он. И это чувство красоты задаёт направление для дальнейшего научного поиска.

«Всё чаще людям в голову приходит мысль: *не назрел ли синтез систем познания религиозной и научной?* Хотя я бы не стал разделять научное и религиозное мировоззрения, — писал академик В.Б. Раушенбах. — Я бы взял шире — *логическое*, и в том числе *научное*, и *внелогическое*, куда входит не только религия, но и искусство — *разные грани мировоззрения*. Так вот, если грубо рассуждать, очень грубо, то можно сказать, что они друг от друга не зависят. На самом деле *человек — это некое единство*, и ему свойственно целостное понимание мира... Для целостного же восприятия мира следует, что *наука и религия не противоречат, а дополняют друг друга*, точно так же, как искусство не противоречит науке, а дополняет человеческое восприятие мира. Наука изучает законы материального мира, что не является целью религии. Поэтому здесь не может возникнуть никаких конфликтов или недоразумений. Существование логически строгого богословия наряду с глубоко интимным религиозным переживанием и красота сухих материалистических доказательств свидетельствуют, что *на самом деле разрыва нет*, что есть целостное восприятие мира. Но, если рассуждать приближённо, то, конечно, есть и *логическое — это наука*, и *внелогическое — это искусство, этика, религия и прочее*» [17, с. 43–45]. Таким образом, рецензируя вышеизложенное, можно завершить высказыванием святителя Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого): «*Нам нужно живое знание и зрячая вера, и только их синтез и неразрывная связь откроют возможность творческой жизни. Ибо творят жизнь мудрые, окрылённые верой*» [20, с. 74].

ЛИТЕРАТУРА

- [1]. Агапов В.С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. — 2013. — № 1. — С. 27–30.
- [2]. Агапов В.С. Феномен научной школы в современной российской психологии // Научная школа как социальный капитал российского общества: Сб. материалов Тульской сессии научной школы профессора В.С. Агапова / Под ред. В.С. Агапова, Л.О. Андроновой, О.Б. Смирновой, И.Л. Фельдман. — Тула: ООО «Промпилот», 2013. — С. 8–47.
- [3]. Агапов В.С., Фельдман И.Л., Шайденкова Т.Н. Развитие профессионального самопознания в структуре Я-концепции учителя начальных классов. — М.: АПК и ППРО, 2005. — 204 с.
- [4]. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. — М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 640 с.

- [5]. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963. — 364 с.
- [6]. *Бермус А.Г.* Введение в гуманитарную методологию. — М.: Канон+, РООН «Реабилитация», 2007. — 336 с.
- [7]. *Братусь Б.С.* Научная психология на фоне Льва Толстого // Психологический журнал. — 1999. — Т. 20. — № 3. — С. 119–130.
- [8]. *Веллер М.* Слово и судьба. — М.: АСТ, 2008. — 574 с.
- [9]. *Голиков Ю.Я.* Антропный принцип как теоретическое обоснование решения актуальных проблем психологии // Психологический журнал. — 2014. — Т. 35. — № 2. — С. 19–32.
- [10]. *Грановская Р.М.* Психология веры. — СПб.: Питер, 2010. — 480 с.
- [11]. *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы. — М.: Флинта, МПСИ, 2003. — 176 с.
- [12]. *Журавлёв А.Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. — М.: ИПРАН, 2011. — 560 с.
- [13]. *Кирпотин В.Ф.М.* Достоевский. — М.: Советский писатель, 1947.
- [14]. *Мэй Р.* Сила и невинность. — М.: Смысл, 2001.
- [15]. *Пелевин В.О.* S.N.U.F.F. — М.: Эксмо, 2012. — 480 с.
- [16]. Размышления и бессмертной душе / Сост. архимандрит Иоанн (Крестьянкин). — М.: Отчий дом, 2010. — 175 с.
- [17]. *Раушенбах В.Б.* Пристрастие. — М., 1997.
- [18]. *Ромаре И.* Принцип феминности в кино: размышления о кино и его связи с человеческой психикой // Кино и глубинная психология: Сб. — М.: МААП, 2010. — С. 109–118.
- [19]. *Сайко Э.В.* Субъективный потенциал Б.В. Раушенбаха в познании человека и отношении к действительности // Мир психологии. — 2004. — № 2. — С. 186–201.
- [20]. Святитель *Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. — Ростов-на-Дону, 2001. — 319 с.
- [21]. *Семёнов В.Е.* Психологический гений Ф.М. Достоевского (к 190-летию со дня рождения) // Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — № 6. — С. 108–111.
- [22]. Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв.ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. — М.: ИПРАН, 2007. — 528 с.
- [23]. *Теплов Б.М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды: в 2-х т. — Т. 1. — М.: Педагогика, 1985. — С. 306–312.
- [24]. *Фейнман Р.* Радость познания. — М.: АСТ, 2013. — 348 с.
- [25]. *Шапир Н.* Чехов как реалист-новатор (опыт научно-психологической критики) // Вопросы философии и психологии. — 1905. — № 4. — С. 487–553.
- [26]. *Энгельмейер П.К.* Теория творчества. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2009. — 256 с.

CORRELATION OF SCIENCE, RELIGION AND ART IN PSYCHOLOGICAL HUMAN KNOWLEDGE

Valery S. Agapov, Doctor of Psychology, Professor of the Acmeology and Psychology Professional Activity Department, Russian Presidential Academy of National economy and Public Administration; 84, Vernadskiy prospect, Moscow, 119606, Russia, agapov.vs@mail.ru

ABSTRACT

The article actualize the synthesis problem of logical and illogical psychological human cognition. Methodological aspects on the relations of science, religion and art are discovered in psychological science and practice. The importance of the internal logic of the psychology development including the process of changing ideas, principles, theories, concepts, research methods, is underlined. The priorities of modern psychology development, connected with transition to VI technological mode and the birth of postnonclassical science are underlined. We consider the correlation of science-humanities and religious and artistic knowledge.

Key words: truth, kindness, beauty, science, faith, religion, art personal image, personal mental world, psychologies, psychological type epoch, art method, scientific-humanitarian knowledge, logic, illogic, cognitive system, synthesis, ideology, imaginative literature

REFERENCES

- [1]. *Agapov V.S.* Sistemnoe izučenie Ja-koncepcii sub#ekta v rossijskoj psihologii // Akmeologija. — 2013. — № 1. — S. 27–30.
- [2]. *Agapov V.S.* Fenomen nauchnoj shkoly v sovremennoj rossijskoj psihologii // Nauchnaja shkola kak social'nyj kapital rossijskogo obshhestva: Sbornik materialov Tul'skoj sessii nauchnoj shkoly profesora V.S.Agapova / Pod red. V.S. Agapova, L.O. Andronovoj, O.B. Smirnovoj, I.L. Fel'dman. — Tula: OOO «Prompilot», 2013. — S. 8–47.
- [3]. *Agapov V.S., Fel'dman I.L., Shajdenkova T.N.* Razvitie professional'nogo samopoznaniya v strukture Ja-koncepcii učitelja nachal'nyh klassov. — M.: APK i PPRO, 2005. — 204 s.
- [4]. Arhimandrit *Tihon (Shevkunov)*. «Nesvjatye svjatye» i drugie rasskazy. — M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrja: OLMA Media Grupp, 2012. — 640 s.
- [5]. *Bahtin M.M.* Problemy pojetiki Dostoevskogo. — M.: Sovetskij pisatel', 1963. — 364 s.
- [6]. *Bermus A.G.* Vvedenie v gumanitarnuju metodologiju. — M.: Kanon+, ROON «Reabilitacija», 2007. — 336 s.
- [7]. *Bratus' B.S.* Nauchnaja psihologija na fone L'va Tolstogo // Psihologičeskij zhurnal. — 1999. — T. 20. — № 3. — S.119–130.
- [8]. *Veller M.* Slovo i sud'ba. — M.: AST, 2008. — 574 s.
- [9]. *Golikov Ju.Ja.* Antropnyj princip kak teoreticheskoe obosnovanie reshenija aktual'nyh problem psihologii // Psihologičeskij zhurnal. — 2014. — T. 35. — № 2. — S.19–32.
- [10]. *Granovskaja R.M.* Psihologija very. — SPb.: Piter, 2010. — 480 s.
- [11]. *Esin A.* Psihologizm ruskoj klassičeskoj literatury. — M.: Flinta, MPSI, 2003. — 176 s.
- [12]. *Zhuravljov A.L.* Aktual'nye problemy social'no orientirovannyh otraslej psihologii. — M.: IPAN, 2011. — 560 s.
- [13]. *Kirpotin V.F.M.* Dostoevskij. — M.: Sovetskij pisatel', 1947.
- [14]. *Mjej R.* Sila i nevinnost'. — M.: Smysl, 2001.
- [15]. *Pelevin V.O.* S.N.U.F.F. — M.: Jeksmo, 2012. — 480 s.
- [16]. Razmyshlenija i bessmertnoj dushe / sost.arhimandrit Ioann (Krest'jankin). — M.: Otchij dom, 2010. — 175 s.
- [17]. *Raushenbah V.* Pristrastie. — M., 1997.
- [18]. *Romare I.* Princip feminnosti v kino: razmyshlenija o kino i ego svjazi s čelovečeskoj psihikoj // Kino i glubinnaja psihologija: Sbornik. — M.: MAAP, 2010. — S.109–118.
- [19]. *Sajko Je.V.* Sub#ektivnyj potencial .V. Raushenbaha v poznanii čeloveka i otnošenii k dejstvitel'nosti // Mir psihologii. — 2004. — № 2. — S.186–201.
- [20]. Svjatitel' *Luka (Vojno-Jaseneckij)*. Nauka i religija. — Rostov-na-Donu, 2001. — 319 s.
- [21]. *Semjonov V.E.* Psihologičeskij genij F.M. Dostoevskogo (k 190-letiju so dnja rozhdenija) // Psihologičeskij zhurnal. — 2011. — T. 32. — № 6. — S.108–111.
- [22]. Teorija i metodologija psihologii. Posneklassičeskoj perspektiva/ Otv. red. A.L. Zhuravljov, A.V. Jurevich. — M.: IPAN, 207. — 528 s.
- [23]. *Teplov B.M.* Zametki psihologa pri čtenii hudožestvennoj literatury. Izbrannye trudy: v 2-h t. — T. 1. — M.: Pedagogika, 1985. — S. 306–312.
- [24]. *Fejnman R.* Radost' poznaniya. — M.: AST, 2013. — 348 s.
- [25]. *Shapir N.* Čehov kak realist-novator (opyt nauchno-psihologičeskoj kritiki) // Voprosy filosofii i psihologii. — 1905. — № 4. — S. 487–553.
- [26]. *Jengel'mejer P.K.* Teorija tvorčestva. — M.: TERRA-Knižnyj klub; SPb.: Severo-Zapad, 2009. — 256 s.